

УДК 101

А.Г. Берман, В.А. Данилова

*Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета*

г. Чебоксары, Россия

galba@rambler.ru

**ЧЕРТЫ ТРИКСТЕРА
В ЕВАНГЕЛЬСКОМ ОБРАЗЕ ИИСУСА ИЗ НАЗАРЕТА**

**[*Berman A.G., Danilova V.A. Trickster's features
in evangelical image of Jesus from Nazareth*]**

It is analyzed the literary evangelical image of Jesus of Nazareth for the presence of archetypal trickster features. Based on analytical psychology of K.G. Jung and his theory of archetypes, as well as with the help of the Marxist concept of the «base» and «superstructure» the social function of the trickster is revealed as an indicator of present social relations crisis. On the basis of trickster features formed in the modern literature research the comparison of these parameters with some Gospels is made. The space-time continuum is described as the characteristic of the trickster figure. Desert, road as a manifestation of the lack of social space fills trickster with the special power. In the story of Jesus' birth there is a motive of fundamental mismatch between the social and the declared position of the character that also removes it from the sphere of social control. The motives of healing, hypersexuality, lycanthropy describe the literary image of Jesus of Nazareth and proves that he possess trickster features.

Key words: Jesus Christ, Gospel, trickster, K.G. Jung, archetype, cultural Christianity.

Прежде чем начать разговор о чертах трикстера в Иисусе из Назарета, необходима важная, на наш взгляд, оговорка. В данной статье речь пойдет не о реальном, или, как принято говорить «историческом» Иисусе, а о его литературном образе, который представляют нам евангельские повествования. Другое дело, что Евангелия являются основным источником наших знаний о Иисусе из Назарета, что, однако, не отменяет того факта, что сами Евангелия являются литературными памятниками, и, соответственно, как к евангельскому тексту, так и к его персонажам вполне могут применяться такие методы исследования, которые обыкновенно применяются к литературным произведениям.

Литература о трикстере достаточно обширна и хорошо известна. Классической работой посвященной трикстеру считается статья К.Г. Юнга «О психологии образа Трикстера», написанная в качестве рецензии на исследование П.

Радица о мифологии североамериканских индейцев. Следуя своей концепции «коллективного бессознательного», Юнг относит образ трикстера к числу важнейших архетипов – простейших структур психики, из которых «коллективное бессознательное» состоит. На наш взгляд, весьма важным является наблюдение Юнга о функциональной связи образов трикстера и спасителя: «Если мы рассмотрим, к примеру, демонические черты, присущие Яхве в Ветхом Завете, мы найдем в них немало того, что напомнило бы нам о непредсказуемом поведении Трикстера, об устраиваемых им бессмысленных оргиях разрушения и причиняемом самому себе страдании – вместе с его постепенным превращением в спасителя и одновременным очеловечиванием» [14].

Из работы Юнга можно сделать вывод, что образ трикстера появляется тогда, когда бессознательное оборачивается на самое себя, и в процессе становления Эго получает возможность увидеть собственное, уже весьма неприглядное отражение, т.е. сам трикстер не является ни бессознательным, ни сознанием, а является посредником между ними. Можно определить юнговское «коллективное бессознательное» как социально-наследуемую совокупность объективно-существующих идеальных схем деятельности, по историческим причинам вытесненных на периферию общественной практики. Воплощение этих схем в конкретных артефактах духовной культуры и образует архетип. Полагаем, что имеет смысл попытаться отыскать корни трикстера в материальной практике общества, чтобы на этой основе уяснить социальную функцию этого персонажа.

Характеристики трикстера, на основе глубокого анализа существующей на этот счет как русской, так и зарубежной литературы, были, на наш взгляд, весьма удачно сформулированы Д.А. Гавриловым:

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.
2. Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социокультурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.
3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными

ценностями и переводу информации из области непознанного в область познаваемого. Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.
5. Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к переодеванию женщиной и/или перемене пола.
6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. Трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впро�ак, оказаться жертвой собственной хитрости, граничащей с дуростью.
7. Трикстер выступает как Старый Мудрец, с одной стороны, и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чье чувство значимости Трикстер умаляет [3].

Если обобщить все эти характеристики, то можно увидеть, что основной чертой трикстера является его положение «возмутителя спокойствия», катализатора. Другими словами, понятие «трикстер» противоположно понятию устойчивость, равновесие, стабильность. Нарушение равновесия – это и есть основная функция трикстера.

Социальная система, как известно, состоит из «базиса» и «надстройки». Способ общественного производства, уровень развития производительных сил, производственные отношения образуют базис системы. Однако сам этот базис в общественных отношениях выступает не в своем собственном виде, а опосредуется «надстройкой» в форме традиций, ценностей, норм, институтов. «Базис» и «надстройка» находятся между собой в диалектическом единстве: производственные отношения определяют «надстройку», надстройка – пред-

ставляет, являет людям характер их производственных отношений. Поскольку для восприятия участников производственных отношений сами эти отношения не предстают в своей голой непосредственности (вернее предстают для части общества только в момент соприкосновения с субстанцией материального производства), то совокупность всех надстроечных структур приобретает для людей самостоятельное существование, подчас более реальное, чем само производство. Устойчивость этого мира создается представлением о незыблемости, predeterminedности, а еще лучше богоустановленности наличного в данный исторический период социального порядка, что находит свое отражение в формировании соответствующей системы ценностей.

Однако рано или поздно существующее равновесие, в силу внутренне присущих ему противоречий, нарушается. В этой ситуации человеческому сознанию, для которого старое, хорошо знакомое кажется более безопасным, чем, может быть прекрасное, но еще неизвестное будущее, свойственно цепляться за привычные ценности, которые для этого несчастного сознания создают иллюзию незыблемости устоев. В такую эпоху ценности, вместо того чтобы показывать каждому его действительное место в общественных отношениях, превращаются в точное зеркало, которое отражает действительное уродство старого порядка. Это означает, что надстройка перестает соответствовать базису, но общество еще не готово это осознать. И вот в этот момент, с необходимостью, должен появиться тот, кто, как Уленшпигель скажет обществу: «посмотрите сюда, я ваше зеркало», т.е. не сам трикстер является причиной нарушения равновесия социальной системы, а только демонстрирует инфляцию той системы ценностей, которая до времени обеспечивала системе стабильность. Демонстрируя обществу его ценностное банкротство, трикстер, волей-неволей, вынужден в качестве общественного зеркала использовать старую систему ценностей (другой-то в данное историческое время еще нет). И поскольку даже в этой системе координат общество оказывается несостоятельным, то тем самым ценностям вновь возвращается их всеобщее содержание, а сами старые ценности в этом процессе с необходимостью обнаруживают в себе новые смыслы. Таким образом, трикстер выступает не только как «возмутитель спокойствия», но и как посредник, через которого проявляются новые способы бытия социальной системы, т.е. трикстер – это своеобразный «агент будущего в прошлом» [10].

Деятельность трикстера может проходить только в своеобразном пространственно-временном континууме, и в то же время сама эта деятельность в известной степени этот континуум порождает. Поскольку деятельность трикстера можно охарактеризовать формулой «новое, через старое», то время трикстера должно закручиваться в спираль. Это, кстати, хорошо заметно в словесной конструкции, которую постоянно использует главный герой данной работы – Иисус Христос: «сказано в Законе – а я вам говорю», «сказал Моисей – а я вам говорю», т.е. вначале происходит отсылка к давно известной моральной или религиозной сентенции (в «прошлом»), а затем в старой норме, путем уточнения, толкования обнаруживается другой, подчас противоположный смысл («будущее») [1, с. 64]. В этом смысле деятельность трикстера есть настоящая революция, в прямом значении этого слова как возвратного, или лучше сказать возвратно-поступательного движения, а сам трикстер есть прямой прообраз, архетип всех будущих революционеров, которые вынуждены в борьбе за утверждение нового, справедливого мира использовать те средства, которые предоставляет старый порядок, и прежде всего насилие.

Очевидно, что критику старого порядка (а деятельность трикстера есть ничто иное как критика, если можно так выразиться, докритическими средствами) нет смысла начинать там, где старые ценности, старый порядок выступают во всем величии и блеске.

Манифестацией, обобщенным топосом всех этих «иных» миров выступает дорога, пустыня, т.е. любое незаселенное место, место, где отсутствуют упорядоченные, устойчивые социальные структуры. Это отсутствие и является источником «инаковости». Однако это отсутствие в то же время является источником особых способностей, особой силы трикстера. Отсутствие общества, т.е. тех отношений, традиций, норм, которые собственно и конструируют общество, влечет за собой возможность того, что в упорядоченном социальном космосе невозможно. В ином мире, по причине его инаковости, все социальные нормы получают противоположный знак [13]. Дорога, пустыня порождает особую легкость, подвижность, проказливость трикстера: над ним, не связанным условностями социума не довлеет, говоря языком Ницше, «дух тяжести» [7, с. 139].

Эту пограничность между социальным и антисоциальным, собственно, и фиксирует Юнг, говоря о трикстере как о посреднике между бессознательным и Эго [14]. Эго, или лучше сказать личность – это и есть социальное, воплощенное в конкретном человеческом индивиде.

Теперь, после столь длинного вступления, можно вернуться к нашему главному герою – Иисусу из Назарета. С самых первых моментов земного существования Иисуса на евангельских страницах появляется некое несоответствие, и это несоответствие делается фундаментальным принципом всей Его жизни и деятельности. Евангелисты Матфей и Лука прилагают значительные усилия для того чтобы показать читателям, что Иисус был человеком благородного происхождения и принадлежал к царскому роду Давида. Для этой цели эти Евангелия снабжены длинными родословиями Иисуса Христа. Однако, как оказывается, Иосиф, которого считали отцом Иисуса, несмотря на царское происхождение, был вынужден заниматься ручным трудом, будучи плотником. Иисус рождается отнюдь не в царских чертогах, а в хлеву, куда загоняют домашний скот. Здесь мы видим нарочитое сопоставление высокого происхождения и предельно низкого настоящего положения героя, от чего это несоответствие выглядит еще более выпукло. Впечатление усиливается от того, что в повествование вводится фигура Ирода, узурпатора, человека низкого происхождения, захватившего престол при помощи римлян. Видимо, как для авторов евангелий, так и для их последующих читателей, сама эта идея была достаточно непривычной, и, если первыми свидетелями рождения Иисуса были простые пастухи, то, по мере того, как первоначальный рассказ об этом событии продолжал существовать во времени, пастухи превратились в волхвов, и, уже в Средние века, волхвы стали царями [2, с. 58]. Таким образом, общественное сознание попыталось вернуть царское достоинство своему герою.

Определенно трикстерные черты имеет история о зачатии Иисуса. Несмотря на утверждение евангелистов о том, что Мария зачала от Духа Святого, во всей этой истории явно просматриваются признаки некоей незаконнорожденности, даже неподзаконности Иисуса Христа. Этот момент хорошо уловили иудейские оппоненты христиан, которые развили сюжет о незаконнорожденности («мамзер») в историю о связи Марии и римского солдата Пантеры [5; 11].

Собственно, царское происхождение и незаконнорожденность в данном контексте – это две стороны одной медали. Царское достоинство ставит героя над социальными условностями, т.к. царь сам может устанавливать социальные нормы, в идеале, конечно. На незаконнорожденного не распространяются социальные права и гарантии, что ставит бастарда вне общества. Таким образом, и царь и мамзер оказываются в промежуточном состоянии: один между обществом и богом, другой – между социумом и природой. Поскольку мамзер оказывается за пределами общества, то он не обязан отвечать по тем обязательствам, которые общество имеет как по отношению к самому себе, так и по отношению к Богу. Другими словами, вина «первородного греха» если и распространяется на бастарда (что весьма сомнительно), то в сильно ослабленном виде.

По мнению Д.А. Гаврилова, важнейшей характеристикой трикстера является его аморальность, с точки зрения существующей в обществе системы ценностей. Обвинение в нарушении моральных норм не раз звучит на страницах евангелий в адрес Иисуса со стороны тех, кто считал себя призванным стоять на страже общественной морали. Иисус из Назарета не только нарушал предписания Закона Моисеева, но и делал демонстративно, стараясь всячески подчеркнуть, что закон над ним не властен. Причем Иисус обосновывает нарушение закона самым парадоксальным образом, максимально усиливая нормы Моисеева законодательства. Иисус требует преодолеть праведность книжников и фарисеев: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5; 20). Иисусово «превзойти» означает тотальное отрицание прежних моральных норм. Буквальное, максимальное исполнение закона приводит к переворачиванию норм на совершенно противоположные. В этом проявляется такая важная черта трикстера как склонность к оборотничеству, о чем у нас еще будет возможность порассуждать.

С особым отношением Иисуса с Моисеевым Законом тесно связаны чудеса, которые Иисус творит на протяжении всех евангельских страниц. Собственно эта способность к чудотворению и проистекает от того, что Закон над Иисусом не властен. По своей социальной функции нормы Закона не только являются мерой общественных отношений, но и обозначают положение человека по отношению ко всему мирозданию. Это хорошо подмечено апостолом Павлом: «Жало же смерти – грех, сила греха – Закон» (1 Кор.15; 55 – 56), т.е.

над тем, над кем не властен Закон, не властна и смерть. Другими словами, на того, кто не находится под Законом не распространяются и природные закономерности (смерть, в данном случае, указывает на связь между природой и социумом, на космический характер Моисеева Законодательства). Таким образом, закон, общественные отношения сковывают, ограничивают сущностное могущество человека, а с другой стороны, трикстер, не будучи обусловлен законом, обретает власть над силами природы.

Если говорит о чудесах Иисуса, то не трудно заметить, что значительная, если не большая часть Его чудес связаны с исцелениями (болезнь, в данном случае, можно рассматривать как ослабленный образ смерти), и, кроме того, чаще всего поводом для сотворения чуда оказывается необходимость продемонстрировать окружающим необусловленность Иисуса нормами Закона.

Особое отношение Иисуса с Законом, соединенное с топосом пустыни, пустого места или горы формирует особый континуум – мессианскую эпоху, в которой Закон получает свое завершение. А поскольку Закон совершился, то недозволенное законом становится разрешенным, нечистое – чистым, невозможное – возможным.

Наиболее рельефно аморальность, антисоциальность Иисуса, с точки зрения существовавших в то время традиционных ценностных установок, демонстрирует т.н. «нагорная проповедь» или «Заповеди блаженства» (Мф.5; 3 – 12 и Лк.6;20 – 23). В этом хорошо известном тексте Иисус перечисляет качества, которые должны сделать человека «блаженным», т.е. счастливым, угодным Богу. Совокупность этих качеств (нищие, кроткие, плачущие, изгнанные, правдолюбцы, миротворцы, милостивые, те, кого ругают и поносят), соединенная в конкретной личности, рисует нам картину человека, совершенно не вписывающегося не только в социальный контекст того времени, но и в любого другого времени, в котором критерием социальной адекватности служит признание со стороны других членов общества, полученное в результате более или менее жесткой конкуренции. Другими словами, Иисусов «блаженный» – это то, что в русской народной культуре именуется емким словом «дурак» – т.е. социально неадаптированный субъект. И именно в этой неприспособленности к жизни в обществе и состоит все счастье и блаженство. Здесь уместно вспомнить знаменитые русские идиомы: «дуракам везет», «дураков Бог любит», ну и конечно образ русского народного трикстера Ивана-дурака [9, с. 36].

Еще одной чертой трикстера, по мнению А.Д. Гаврилова, является гиперсексуальность. Вокруг темы возможного брака Иисуса и Марии Магдалины выстроен сюжет знаменитого романа Дэна Брауна «Код да Винчи». По поводу этого скандального текста существует во много раз превосходящая сам роман по объему критическая литература, написанная представителями различных христианских церквей. Признавая эту критику справедливой, надо все же отметить одну вещь. Подобного рода литература никогда не могла бы появиться на свет, и, тем более, завоевать широкую популярность, если бы основной источник знаний об Иисусе, т.е. евангельские тексты, не давали к этому некоторое основание. Из евангелий со всей очевидностью следует, что деятельность и речи Иисуса оказывали большое влияние на женщин, однако в евангельских текстах этот момент присутствует в снятом виде, в форме особого воздействия Его слов на женщин, что побуждает его последовательниц служить Ему «имением» (Лк. 8; 2 – 3).

Теперь остановимся на таком атрибуте трикстера как оборотничество, переодевание. Казалось бы, что евангельские тексты не дают никаких оснований подозревать в этом Иисуса. Однако кое-какие сюжетные, буквально оговорки, позволяют утверждать, что такой атрибут присутствует в образе Иисуса Христа. В Евангелии от Иоанна повествуется о явлении Иисуса Марии Магдалине: «А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! – что значит: Учитель» (Ин. 20; 11 – 17). В этом же контексте, по нашему мнению, следует рассматривать отрывок из Евангелия от Луки, в котором рассказывается о явлении Иисуса ученикам Луке и Клеопе по дороге в Эммаус, где также явно просматривается мотив оборотничества, т.к. ученики не узнали Иисуса (Лк. 24; 13 – 49). Возможно, то же самое значение имеет рассказ о Преображении Иисуса, хотя само это событие происходит уже в другом континууме.

С мотивом оборотничества тесно связан и сюжет о Воскресении Иисуса. Собственно, существо, находящееся в промежутке между миром людей, социумом и иным миром, и не может по-настоящему умереть. Положив Иисуса в пещеру по разрешению властей, Иосиф Аримафейский и Никодим, которые похоронили тело Иисуса в пещере, просто помогли нашему герою обвести Пилата и Синедрион вокруг пальца. Этот мотив обмана дьявола или смерти Иисусом многократно обыгран в святоотеческой литературе и в гимнографии Православной Церкви [6; 8]. Пещера, в которую положили Иисуса, в данном случае выступает синонимом того же самого пустого места, иного мира, в котором отсутствует социальный контроль, и в котором трикстер постоянно черпает свои силы. Это похоже на древнегреческий сюжет о борьбе Геракла и Антея, который возобновлял свои силы, прикасаясь к земле [4].

В евроазиатском фольклоре атрибутом персонажа, играющего роль трикстера, нередко выступает осел. Достаточно вспомнить Уленшпигеля или Ходжу Насреддина. Фигурирует осел и в евангельских повествованиях, на этом животном Иисус торжественно въезжает в Иерусалим, демонстрируя свое царское достоинство (например Мф. 21; 1 – 17).

Образ евангельского осла самым подробнейшим образом рассмотрен в работе О.М. Фрейденберг в самом широком контексте античной и ближневосточной мифологии и художественной литературы. Являясь сторонницей популярной в докумранский период «мифологической школы», Фрейденберг приходит к выводу о том, что осел – это обратная сторона самого Иисуса, который является развитием образа умирающего и воскресающего бога плодородия, типа Осириса [12]. Безусловно, в рамках мифологического подхода все это выглядит достаточно убедительно, однако нельзя не признать, что подобные выводы являются слишком абстрактными. Все же евреи изначально были народом кочевым, и социальные нормы кочевников-скотоводов во многом и вошли в Закон как нормативные. Упомянутый Фрейденберг праздник кушей, на наш взгляд, как раз и был призван восстановить это нормативное состояние, вернуть народ к истокам Завета с Богом. И царь иудейский это не столько тот, кто обеспечивает хороший урожай или разлив Нила, как в Египте, а заместитель Бога Яхве, который отнюдь не связан с плодородием, а скорее является хранителем договоров и предводителем военной дружины. Так что царь въезжал в Иерусалим как Царь Славы, а слава имеет от-

ношение не к плодородию, а скорее к войне и победе. И в этом контексте было бы логичнее, если бы царь въехал на боевом коне. Эта логика, наверное, была бы хороша где-нибудь в Риме, где триумфатор въезжал в город на боевой колеснице, запряженной конями, но у евреев другая логика. Царю иудейскому не надо садиться на коня, т.к. город и без того ждет его как освободителя, а не как завоевателя. Царь Славы берет города праведностью, справедливостью, а не силой, и здесь осел, транспорт пустыни, весьма уместен. Осел, мирное животное, подчеркивает не грубую мощь того персонажа, который на нем восседает, а его силу, не связанную с прямым физическим воздействием – ум, хитрость, справедливость и т.д. В случае с Иисусом, который был царем без царства это выглядит еще более рельефно.

Подводя итог, можно сказать, что имеются все основания для того чтобы утверждать, что в евангельском образе Иисуса из Назарета есть все признаки трикстера – мудрого, хитрого, могущественного существа, который показывает обществу его весьма неприглядную изнанку. Другое дело, что трикстер – персонаж динамический, имеющий склонность превращаться в других литературных персонажей (он же оборотень). И нет ничего удивительного, что трикстер, как заметил еще Юнг, вполне может спасти мир своими жертвенными поступками. Но это совсем другая история, тема для отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганов А.М.* Пространственно-временной континуум: прагматингвистический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hses-online.ru/2015/06/08.pdf>. 12.04.2016.
2. *Берман А.Г.* Рождество Христово и критическая агиография // Проблемы теории и истории христианской культуры. Сборник статей. Чебоксары, 2011.
3. *Гаврилов Д.А.* К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. Омск, 2006.
4. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. Екатеринбург, 2005.

5. История о повешенном или История Йешу из Нацрата – Иерусалим: Прогресс, 1985. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/12/3/toledot.html>. 12.04. 2016.
6. *Мейендорф И.* Протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. М., 1992.
7. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
8. Октоих, сиреч Осмогласник. В 2 Ч. М.: Изд. Московской Патриархии, 1981. Ч. 2.
9. *Синявский А.Д.* Иван-дурак: очерк русской народной веры. М., 2001.
10. *Тарасов А.* О «священных коровах», «всероссийских иконах» и вечно пьяных «гарантах» демократии. Письмо либералу-шестидесятнику из Архангельска и либералам-шестидесятникам вообще // Скепсис. Научно-просветительский журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_96.html. 12.04.2015.
11. Тольдот Иешу // Библиотека Руслана Хазарзара [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/tholdoth.htm>. 12.04.2016.
12. *Фрейденберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Миф и литература древности. М., 1998.
13. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. М., 2003.
14. *Юнг К.Г.* О психологии образа трикстера Послесловие к книге Радина «Трикстер – мифы североамериканских индейцев». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psycho.org.ua/pap33.htm>. 12.04.2015.

REFERENCES

1. *Agarov A.M.* Space-temporary continuum: pragmalinguistic aspect // The Humanities and social sciences. 2015. № 6. p. 64 – 72 [Electronic resource]. Access: <http://www.hses-online.ru/2015/06/08.pdf>. 12.04.2016.
2. *Berman A.G.* Christmas and critical hagiography // Berman AG Problems of the theory and history of Christian culture. Digest of articles. Cheboksary, 2011.

3. *Gavrilov D.A.* By definition, the trickster, and its importance in the socio-cultural reality // First All-Russian Scientific Conference «Philosophy and social dynamics of the XXI century: problems and prospects», 15 May 2006. Omsk, 2006.
4. *Graves R.* Myths of Ancient Greece. Ekaterinburg, 2005.
5. History about hung up or History Yeshu from Nazareth – Jerusalem: «Progress», 1985 // Jacob Krotov's Library [Electronic resource]. Access: <http://www.krotov.info/acts/12/3/toledot.html>. 12.04. 2016
6. *Meyendorff J.* Archpriest. Introduction to Patristic theology. M., Vilnius, 1992.
7. *Nietzsche F.* Thus Spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one. Works in 2 volumes. Vol. 2. M., 1990.
8. Oktoikh, Osmoglasnik. In 2 parts. M., 1981. Part 2.
9. *Sinyavsky A.D.* Ivan the Fool: A Short Russian folk belief. M., 2001.
10. *Tarasov A.* About «sacred cows», «the All-Russia icons» and eternally drunk «guarantors» of democracy. The letter to the liberal sixties-foreman from Arkhangelsk and to liberals sixties-foreman in general // Sceptsis. Scientifically-educational magazine. [Electronic resource]. Access: http://sceptsis.net/library/id_96.html. 12.04.2015.
11. Toldot Yeshu // Library of Ruslan Hazarzar [Electronic resource]. Access: <http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/tholdoth.htm>. 12.04.2016.
12. *Freudenberg O.M.* Entry into Jerusalem on a donkey (from evangelical mythology) // Myth and literature of antiquity. M., 1998.
13. *Shchepanskaya T.B.* Culture of road in Russian mythos-ritual traditions of XIX – XX centuries. M., 2003.
14. *Jung K.G.* On the psychology of the image of trickster. Afterword to the book Radina «Trickster – North American Indian myths» [Electronic resource]. Access: <http://psycho.org.ua/pap33.htm>. 12.04.2015.

16 мая 2016 г.
